

ЧИСЛО КАК СИМВОЛИКА КУЛЬТУРНОГО КОДА В ШАХНАМЕ И НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

М. АБДОЛЛАХИ

Символика числа представляет большой интерес в контексте исследования эпических произведений. Семантике чисел в фольклорных источниках посвящено большое количество работ, но нет сопоставительных исследований по символике чисел в эпосе иранских народов и осетин. Между тем, в исторической науке надежно доказано, что персы и осетины близки по своим историческим корням, культурным и общественным связям, которые нашли отражение в Шахнаме Фирдоуси, неоднократно упоминавшего алан в своем произведении. Иранские народы обладают богатой эпической традицией, уходящей в глубокую древность и сохранившей культурные, мифологические и религиозные символы. И в осетинском Нартовском эпосе, и в Шахнаме широко используется концепт «число» как базовый концепт культуры. В настоящей статье ставится задача исследования концепта «число» в персидском и осетинском эпосах, выявления сходства и различий в интерпретации их символики. Известно, что числа с давних пор играют важную роль в жизни людей в разных уголках мира и, кроме количественного показателя, имеют скрытые смысловые коды. Изучение этих смыслов и влияния качественных и смысловых характеристик некоторых чисел, таких как три, четыре, семь, тринадцать, сорок и других, на жизнь персов и осетин показывает их значительное сходство. В результате исследования доказано, что числа, представленные в Шахнаме и эпических сказаниях о нартах, неразрывно связаны с мифологическим сознанием народов, с сакральной символикой их традиционной культуры и свидетельствуют об общих исторических корнях, культурных контактах и влияниях.

Ключевые слова: Шахнаме, Нартовский эпос, число, символ, осетинский язык, персидский язык.

The symbolism of the number evokes great interest in the context of the study of epic works. Extensive research and theory view the semantics of numbers in the folklore sources, but no comparative studies on the symbolism of numbers in the epic of the Iranian peoples and the Ossetians have been undertaken so far. However, it is reliably proven in the historical science that the Persians and the Ossetians share common historical roots, are bound by cultural and social ties. This fact is reflected in Shahnameh by Ferdowsi, who repeatedly mentioned Alan in his work. The Iranian peoples have a rich epic tradition, which goes back to ancient times and has preserved cultural, mythological and religious symbols. Both in the the Ossetian Narts' epic, and in Shakhnameh, the concept of «Number» is widely used as the basic concept of culture. The task of the present article is to study the concept of «Number» in the Persian and Ossetian epics, to identify similarities and differences in the interpretation of their symbols. It is known that numbers have long played an important role in people's lives in different parts of the world and, apart from the quantitative index they have hidden semantic codes. The study of these meanings and the influence of the qualitative and semantic characteristics of certain numbers, such as three, four, seven, thirteen, forty and others, on the life of the Persians and the Ossetians shows their considerable similarity. As a result of the research it was proved that the numbers presented in Shahnameh and the epic legends about the Narts are inextricably linked with the mythological consciousness of peoples, with sacred symbols of their traditional culture and testify to common historical roots, cultural contacts and influences.

Keywords: Shakhnameh, Narts' sagas, number, symbol, the Ossetian language, the Persian language.

В разных культурах числа использовались не только в качестве количественных показателей, они имели сакральное значение и считались божественными символами. Отмечая эту функцию чисел, Пифагор назвал их основой мира [1, 6]. Возникает закономерный вопрос: по каким причинам некоторые числа в сознании того или иного народа получают сакральное значение? Ответ на этот вопрос может дать исследование мифологического мировоззрения народа.

Некоторые числа, например, три, тридцать, шесть, девять, двенадцать, сорок, сто и тысяча считаются числами «совершенствования». Многие, если не все, интерпретации мифов, их значений и сути, сходятся на утверждении, что миф каждого народа содержит божественный взгляд на мироздание с учетом того, что миф является плодом общего представления народа [2, 213].

Однако миф можно интерпретировать иначе, основываясь на том, что одна из важнейших особенностей мифа — его вечность; как указывал М. Элиаде, «миф вечно жив, он живет, и люди живут с ним» [3, 27]. Поскольку мифы образуются тысячелетиями, изучая мифологию и ее особенности, можно составить представление о многих явлениях культуры народа.

В ходе многочисленных научных исследований доказано, что персы и осетины очень близки по своим историческим корням и культурным связям. Осетины являются частью иранского мира, что доказано наукой [4, 12]. Эти связи были отражены в Шахнаме Фирдоуси, который несколько раз в своем произведении упоминает алан.

Большинство иранских народов обладают богатой эпической традицией, в которой особое место занимают числа. До сегодняшнего дня были проведены

многие научные исследования относительно роли и места чисел в мифологии иранских народов, наша задача — выявление и сопоставительный анализ чисел у персов и осетин по таким наиболее важным источникам как Шахнаме и Нартовский эпос.

Поэма Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей») — это чудесный поэтический эпос, в котором причудливо переплелись в извечной борьбе темы славы и позора, любви и ненависти, света и тьмы, дружбы и вражды, смерти и жизни, победы и поражения. Это повествование мудреца из Туса о легендарной династии Пишдадидов и перипетиях истории Киянидов, уходящее вглубь истории Ирана через мифы и легенды. В качестве источников для создания поэмы автор использовал легенды о первых шахах Ирана, сказания о богатырях-героях, на которые опирался иранский трон в эпоху династии Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.), реальные события и легенды, связанные с пребыванием в Иране Александра Македонского. Абулькасим Фирдоуси работал над своей поэмой 35 лет и закончил ее в 401 году хиджры, то есть в 1011 г.

Условно принято делить «Шахнаме» на три части: мифологическую, героическую и историческую. Сам поэт о своих трудах говорит:

Так много трудился за эти тридцать лет,

Для тех, кто не араб, на таком персидском языке возродил.

У осетин тоже очень богатая мифология. Эпос «Нарты» — один из древнейших и величественных памятников мирового фольклора, совокупность преданий и сказаний, дошедших до наших дней в живом бытовании. Отметим, что Нартовский эпос в разной степени, но довольно широко, представлен в творчестве различных по языку и

этническому происхождению народов Кавказа. Наибольшей популярностью он пользуется среди осетин и абхазо-адыгских народов (абхазов, абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов, убыхов). В несколько меньшей степени он отражен в карачаево-балкарском и вайнахском устном народном творчестве. Следы Нартовского эпоса отчетливо обнаруживаются и у некоторых народностей Дагестана (особенно у кумыков), а также у отдельных этнографических групп грузин — сванов и рачинцев [5, 43]. Нартовский эпос в отличие от Шахнаме сохранился в устной форме.

Материалы осетинского Нартовского эпоса свидетельствуют о сложной истории осетин и их ираноязычных предков. Будучи порождённым исторической действительностью, эпос в своеобразной художественной форме отражает ее и может быть (с учетом этого своеобразия) использован как источник по истории осетинского народа [6, 113]. Фольклор вообще и эпос в частности живет и развивается не только под действием внешних импульсов, идущих от объективной действительности, но также силой своих внутренних закономерностей, составляющих необходимый элемент его национальной специфики. Всякое новое содержание, в том числе и заимствованное извне, попадает под действие этих закономерностей и приобретает, таким образом, национальное лицо, прежде всего национальную форму [7, 298]. Важной составляющей такой формы в эпосе персов и осетин является концепт «число», исследование которого существенно дополняет сложившиеся представления о картине мира этих народов.

По народным поверьям, числа разделяются на счастливые (святые) и несчастливые. Такая примета существует в разных культурах и среди разных

народов. Например, в Китае, поскольку произношение числа «четыре» похоже на слово «смерть», в большинстве гостиниц нет либо четвертого этажа, либо четвертого номера. Другой пример: число «тринадцать» стало чуть ли не проклятием всей нумерологии и символом самого безнадежного невезения. Во многих странах мира, в том числе в Иране, вместо 13 используется показатель 12+1. Даже в самолетах некоторых авиакомпаний нет тринадцатого ряда. В Иране есть праздник Сизда-Бедар (на русском языке это звучит как «избавление от тринадцати») — считается, что 13 фарвардина (тринадцатый день нового иранского года) надо обязательно покинуть дом, иначе весь год будут преследовать несчастья. С другой стороны, есть такие числа, как семь и сорок, которые считаются счастливыми.

На первый взгляд, быть может, кажется, что Фирдоуси случайно использовал разные числа в Шахнаме или использование чисел было продиктовано законами стихосложения. Однако изучение смыслов чисел, которые использованы в Шахнаме, со всей очевидностью показывает, что Фирдоуси знал о скрытых значениях использованных чисел. Например, в Шахнаме, когда Мубеди хотят проверить Заля, задают вопросы, в которых использованы символические цифры:

Двенадцать видел я деревьев стройных,
Зеленых, свежих, похвалы достойных,
На каждом — тридцать веточек растет,
Вовеки неизменен этот счет».

Другой воскликнул: «Отпрыск благородных!
Погнали двух коней, двух быстроходных.
Несется первый, черный, как смола,
А масть другого, как хрусталь, светла.
Торопятся, бегут они далече,
Но первый со вторым не сыщет встречи».

Промолвил третий: «Тридцать седоков
Пред шахом скачут испокон веков.
Заль в ответ на эти загадки отвечает:
Дерев двенадцать названо вначале,

На каждом — тридцать веток насчитали.
 Двенадцать месяцев являет год, —
 На смену шаху новый шах идет, —
 А каждый месяц тридцать дней приводит:
 Так времени вращенье происходит.
 Теперь скажу: какие два коня
 Летят подобно божеству огня?
 Конь белый — день, а черный — тьма ночная.
 Бегут они, чреды не изменяя.
 Проходит ночь, за нею день пройдет:
 Так движется над нами небосвод.
 При солнце встречи нет и нет во мраке?
 Бегут подобно дичи от собаки.
 Теперь: какие тридцать седоков
 Пред шахом скачут испокон веков?
 Один из них все время исчезает,
 Но всадников число не убывает.

Число **один** часто употребляемое и оно говорит само за себя. Один напоминает Бога. Один напоминает 1000 ударов плетью, которые получил Мансур аль-Халладж, и на каждый удар он говорил *один*. Один напоминает о том, как Байазид Бистами считал монеты. Байазид говорил: я не знаю, кроме одного, ничего. Один существует без других, но другие не могут без *Одного*. Отнять от тысячи только один, и тысяча больше не будет тысячей [8, 28].

Один в Шахнаме иногда используется с другими словами, которые обозначают время, чтобы таким образом косвенно указать на другое число. Быть может, это лучший способ, чтобы обратить внимание собеседника на какое-то число, например, число семь (одна неделя) или тридцать (один месяц). В Шахнаме когда говорится о рождении Зал в оригинале, Фирдоуси использует словосочетание «одна неделя»:

Семь дней отцу боялись все сказать,
 Что родила такого сына мать.

Фирдоуси также использует число один в иронических словосочетаниях, таких как *یک دل* (одно сердце), *یک تنه* (сам) и *یک زخم* (тот, у кого одна рана):

Всем до единого своим бойцам
 Велел вступить в селение Бахрам.

В осетинском фольклоре число один имеет свою символику. Количественное числительное часто используется в формуле исключаящего счета, в значениях *только один, ни один, какой-то, некий, столько же, такой же* [9, 189-190]. Оно символизирует Бога: «*Хуыцау иу у, зеттæ æмæ дауджытæ — æвдгæйттæ*»/«Бог один, ангелов и архангелов по семь» [осетинская пословица]; число с когнитивными признаками веры: «*Адæмты иунæг Хуыцау кæд сфæлдыста, уæд сын хъуамæ уайд иу дин — Хуыцауы дин*» [поговорка]/«Если людей создал единственный Бог, то и вера должна быть у них одна — вера в Бога»; число — «божественный долг»: «*Хуыцауæй алчидæр иу хæс дары, æмæ фидинаг у*» [поговорка]/«У каждого перед Богом один долг, и каждый должен его вернуть» [10, 115].

Фирдоуси — мастер игры с числами: например, в сюжете об измене Судабы, когда Кавус узнает, что Судаба виновата, он не убивает ее по четырем причинам. Фирдоуси мог бы использовать любое другое число вместо четырех, но он специально использует число четыре, чтобы показать высокую степень давления на Кавуса «со всех четырех сторон», объяснить его решение безысходностью.

Доказательством того, что Фирдоуси знал про сакральное значение чисел, является тот факт, что он вообще не использовал в Шахнаме число «тринадцать», так как это число в иранской, как и во многих других культурах, считается несчастливой.

Поскольку в данной статье мы не можем рассмотреть все числа, которые использовались в Шахнаме и в Нартовском эпосе, мы сделаем акцент на наиболее сакрально важных числах — три и семь.

В убеждениях и в культуре иранского народа число три считается счаст-

ливым. Такое положение присуще не только иранскому обществу, аналогичная ситуация наблюдается и в других культурах. Вера в благоприятные возможности числа три в некоторых обществах настолько велика, что даже отражается в обрядовой культуре народа, например, древние персы во время чахаршанбесури¹ разводили три костра в честь трех ангелов (ангел неба, Азара и Абана) и прыгали через них [11, 154].

Также в Иране считают, что достигнуть чистоты можно только трижды что-либо убрав, помыв или подметя. Среди некоторых этнических групп в Иране, когда невеста начинает свою самостоятельную жизнь в доме мужа, она вращается вокруг костра три раза, и это приносит ей счастье [11, 154].

Х. Т. Цгоев в своей книге «Словарь осетинской мифологии и уклада жизни» следующим образом характеризует число три: «В жизни народа число «три» имеет большое значение, оно подобно Фарну многогранно и связано с горными понятиями, в нем присутствует божественный элемент. Наш стол о трех ножках. Тремя пирогами на пирах и свадьбах славим Господа всевышнего. На стол кладем три бокала, три раза по три пирога. Под святилище на молитву идем с тремя треугольными пирогами. Всевышний на Батрадза уронил тоже три слезы, родов Нартовских тоже было три. Воровать Яблоко Нартов прилетели тоже три голубя. Когда Сатана испытывает какую-нибудь трудность, то лепит и печет три медовых пирога и возносит молитву Всевышнему» [12, 108].

С учетом того, что число *три* очень часто использовалось в Шахнаме, можно предположить, что Фирдоуси имел в виду божественность этого числа. Тот факт, что религия Зороастризма основана на трех основах (благие мысли, благие слова, благие деяния), показы-

вает, насколько число *три* важно. Фирдоуси в Шахнаме много раз говорит о трехдневных праздниках. Например, после того, как Сиявуш проходит через огонь, Фирдоуси говорит:

Певцов и кравчих он позвал для пира,
Царевича ласкал властитель мира.
Три дня сидели, пили без забот,
И был открыт в сокровищницы вход.

Используя число *три*, Фирдоуси хочет передать максимальную радость героев рассказа читателю. Аналогичная ситуация в Шахнаме, когда он описывает войны. Войны, которые длятся три дня или трое суток. Примеров таких войн в Шахнаме много, например, когда говорится о бое Шах Йездигерда:

Был шах в бою три дня, не ел, не спал,
Ячменный хлеб, вздыхая, он вкушал.

В Шахнаме также часто говорится о трех чашах или трехдневных выпиваниях: например, Исфандиар дает Гургсару три чаши вина и потом задает свои вопросы:

Вина велел открыть источник красный.
Три чаши выпил вновь Гургсар злосчастный.
Сказал Исфандиар: «Ну, кознодей,
Взгляни, что стало с ведьмой твоей!»

В Шахнаме число *три* часто используется как символ достаточного времени обдумать разные вопросы. Например, когда Афрасиаб хочет решить судьбу Сиявуша, он думает три дня. В Шахнаме три дня — достаточный срок не только для обдумывания любого вопроса, но также для успешного завершения дел; в некоторых ситуациях за эти три дня следует посоветоваться с тремя мудрецами. Например, когда советники Хакана предложили ему выдать замуж дочь за Ануширвана, чтобы обеспечить безопасность, и он, Хакана, направил трех посланников. Также количество сыновей героев Шахнаме тоже показывает важность числа

три, например, у Эсфандиара и у Феридуна было трое сыновей.

Можно сказать, что число *три* в Шахнаме используется как число совершенствования. Фирдоуси в Шахнаме часто использует число три, что говорит о понимании им мистического смысла этого числа.

В осетинской мифологии число *три* также имеет сакральную значимость. Оно отражает три важнейшие категории жизни *Хуыцау* — Бог, *хур* — солнце и *зæхх* — земля.

Устойчивое сочетание слов «*Æртæ* (три) *Нарты*» часто встречается в текстах осетинских сказаний, хотя упоминается и другое количество кварталов или улиц, составляющих *Нарты хъæу* (селение Нартов) — семь или пять. Отметим, что числа с сакральной символикой — три, пять, семь — в осетинской традиционной культуре несут особую смысловую нагрузку, являясь эпитетами многих объектов и своеобразными кодовыми обозначениями сакральности [13].

Все три Нартовских рода равноправно участвуют в военных походах, советах и пирах. В сказаниях о Нартах встречается членение пространства игрищ при массовых состязаниях: «*Нартæ 'ртæ дихы уыдысты: иу ран фатæхсæн кодтой, иннæ ран — дурæппарæн, æртыггаг ран та ерыскафт кодтой*»/«Нарты были поделены на три группы: в одном месте стреляли из лука, в другом месте бросали камни, в третьем месте состязались в танцах» [14]. Репрезентация божественных признаков в концепте *число* представлена такими когнитивными признаками, как *слеза*, *святилище*, *голубка*: «*Хуыцау æрæппарста Батрадзы мæлаты фæдыл æртæ цæссыджы, кæм æрхаудтой, уым фæвзарди æртæ кувæндоны Таранджелос, Мыкалгабыртæ æмæ Реком*»/«Бог

оплакал Батраза и пролил три слезы, где слезы упали, появились три святилища Таранджелос, Мыкалгабырт и Реком» [12, 116].

Число *три* находит свое отражение в осетинской традиционной культуре. Печь три пирога считается важнейшей частью традиционного осетинского религиозного обряда, совершаемого в большие национальные религиозные или фамильные праздники (*бæрæгбон*, *куывд*). На стол подаются три пирога, и каждый из этих пирогов является символом составляющих мира. В словаре «Осетинской мифологии и уклада жизни» говорится, что осетины на стол радости ставят три пирога с сыром: нижний — в почитание Земле, средний — в благодарность Воде и верхний — во славу Солнца (точно так же и три треугольных пирога) [12, 116].

Среди всех чисел особое место занимает число *семь*. *Семь* для разных народов и в разных культурах имеет очень важное значение. Считается, что Адам получил душу в четыре часа, и Хавва была создана в семь часов от тела Адама [15, 168].

Другими словами, в семь часов, с появлением Хаввы от тела Адама, человечество совершенствовалось. Также среди разных этнических групп есть такое мнение, что *три* — это число мужчин, а *четыре* — число женщин, совокупность же двух чисел и составляет счастливую цифру *семь*.

Семь (*Авд*) — священное число, символ божественности. Мир по представлениям осетин и других индоевропейских народов по вертикали делится на три части: верхнюю, где обитают боги и птицы, среднюю, где живут люди, а также дикие и домашние животные, и нижнюю, где обитают злые духи, рептилии и пр. Так вот, верхний и нижний миры, согласно осетинской мифологии, делятся,

в свою очередь, на семь частей. Именно семерка характеризует культ семи богов у осетин и общую идею вселенной. Влияние семичастного деления отразилось на мировой оси. *Авд Дзуары* («семь божеств») сочетает в себе семь божеств — *Афсати, Донбеттыр, Реком, Фалвара, Уастырджы, Уацилла, Тутыр*. Согласно верованиям осетин, *Авд Дзуары* живет на небе, но иногда появляется на земле, но не в своем образе — образе небожителя, который осетинской мифологией не описан, а в образе ярко светящейся птицы с большими крыльями. От *Авд Дзуара* зависит урожай хлебных злаков, увеличение поголовья домашнего скота и его защита от болезней, благополучие людей [7, 10].

Число «семь» для осетин, как и для иранцев, тоже считается счастливым, и произносят его молитвенно-уважительно и в добрых пожеланиях. С семью связано множество словосочетаний: по семь сыновей есть у *Уастырджи* и *Уацилла*, зафиксированы семиэтажная башня, семидушный персонаж (имеющий семь душ) [14].

Во многих книгах, в том числе в *Авесте*, говорится о том, что наш мир состоит из семи стран, среди которых Иран считается святой страной и находится в центре мира [16, 310]

Хотя деление мира на семь частей не присуще только *Шахнаме*, но в этом произведении тоже указывается на такое деление, когда жена *Заххака* ему говорит:

Не ты ли царь семи земных частей,
Владыка всех зверей и всех людей?

Или когда Армяне просят *Хосрова* о помощи:

Ты — царь семи частей земли; везде,
Всем странам помогаешь ты в беде.

В эпических рассказах про *Рустама* и *Исфандиара* говорится о семи испыта-

ниях (*Семь подвигов*), которые прошли герои. Интересно, что когда *Рустам* находит *Кавуса* и спрашивает у него место *Белого Дива*, *Кавус* говорит: «ты должен пройти семь гор, чтобы найти место *Белого Дива*». Другим словами, *Рустам* в седьмом испытании должен пройти еще семь гор и это не только доказывает важность седьмого испытания, но и указывает на важность числа семь.

Исфандиар, другой герой *Шахнаме*, которому удалось пройти семь испытаний, прошел семидневную дорогу, чтобы дойти до *Руиндижа*. Интересно, что в *нартовских* сказаниях герой тоже преодолевает семь горных вершин.

Число семь очень важно в астрономической науке. Шумеры (древнее несемитское население Месопотамии) были первыми, кто узнал при помощи астрономической науки, что в мире есть семь планет [16, 303]

Большинство народов верят во влияние планет на жизнь людей, и в *Шахнаме* тоже говорится о семи планетах и их влиянии, например, когда служанки *Рудабы* встречаются с *Залем*:

Красавиц, равных ей, в Китае нет,
Звенит ей слава от семи планет.

Кроме того, в *Шахнаме* указывается на семь основных цветов, которые можно увидеть, в совершенной форме, в радуге.

Праздники и трауры, которые продолжались неделю, указывают на максимальную радость или горе людей. В *Шахнаме* часто говорится о трехдневных и семидневных праздниках и траурах:

Неделю пировали допоздна,
И веселы, и пьяны от вина.

Рустам, когда получает сообщение о смерти *Сиявуша*, семь дней держал траур. Еще семь лет в *Шахнаме* считается признаком совершенствования разума:

например, когда Бахраму исполнилось семь лет, он захотел, чтобы Манзара не относился к нему как к ребенку, или когда Кейхосро исполнилось семь лет, он начинает изучать боевые искусства.

Еще следует заметить, что число *семь* в культуре и обычаях иранцев занимает особое место и часто фигурирует в персидских пословицах: например, скатерть Хафтсин, имеет семь жизней.

Фирдоуси еще в Шахнаме использует число семь для указания на время, например, время ожидания или срок выполнения семь дней или семь лет. Ануширован просит семь дней, чтобы научиться играть в шахматы, или, когда Пиран отправил письмо Гударзу, Гударз семь дней не отвечал на его письмо. Судабда говорит Сиявушу, что любит его семь лет:

Семь лет тебя люблю я той любовью,
Что на моем лице пылает кровью.

Семь дней, с точки зрения Фирдоуси, кажется счастливым временем, и за это время можно принимать самое верное решение. Когда Кавус хотел передать царство Сиявушу, семь лет испытывал его:

Был Сиявуш семь лет на испытанье —
Являл он ветви царственной блистанье.

Число *семь* имеет статус одного из наиболее сакральных чисел. Оно распространилось на все сферы быта и мифологии осетинского народа. В Нартовском эпосе исследователи отмечают **семь** великанов, с которыми приходится сражаться нартам; **семеро** братьев, **семеро** младших у нартов; под **семью** подземельями спрятан чудесный камень; на перепутье **семи** дорог оказываются нартовские герои; **семь** рек им часто приходится преодолевать; семь этажей башни, семь котлов для остужения новорожденного Батраза. С цифрой *семь* связаны формулы омоложения героев (в *семь* раз краше становится девушка),

формулы благопожелания (пусть в *семь* раз получишь лучше/больше; пусть *семь* раз хорошее придет; пусть родится *семь* сыновей и т.д.). Число *семь* часто возводится в квадрат — семью семью пирогов, семью семью кувшинов, семью семью говяжьих окороков в запасе у Сатаны. Важным звеном числовой символики эпических текстов является «семь сотен по *семь*» — *семь* раз по *семь* сотен конских стад [9, 198-199].

Наиболее типичные примеры сакрального употребления этого числа в осетинском языке и фольклоре: представление о предельной степени удаленности: «*Авд хохы фæстæ*»/«За семью горами» (фразеологическая единица), «*Авд хохы æддамаæ сæ басайдтаæ саг æмаæ уым цыдаер æрбацци*»/«За семью хребтами завел их олень и куда-то исчез» (Нартовский эпос); «*Авд хохы сæрты ахизын*»/«Перейти *семь* гор» (фразеологическая единица); «*Авд хохы æмаæ авд фурды æддейæ*»/«За семью горами, за семью морями» (сказка).

В осетинской мифологии упоминается представитель демонологии — *уæйыг* — великан; в подавляющем большинстве случаев его упоминания в фольклоре он имеет *семь* голов — *авд сæры*. Эпитет *уаигов авдсæрон* — семиглавый в ряде нартовских сказаний превратился в имя собственное для этих существ. Нередко великаны выступают группами по *семь*. По-видимому, *семь* уаигов в осетинской мифологии рассматривались в качестве антагонистов Семи богам, а сам факт их противопоставления свидетельствует о наличии в религиозных воззрениях древних осетин элементов дуализма, где четко и последовательно противопоставляются светлое и темное начала. Не исключено поэтому, что *семь* демонов были покровителями «семи марков»: «*Авд уæйыджы цардысты, иу ин*

намай тынгдәр»/«Семь уаигов было, один другого ужасней» [10, 116].

Примеров сходств много, например, если в осетинской мифологии уаыг — великан в подавляющем большинстве имеет семь голов — *авдсæры*, то в иранской мифологии тоже Дивы в большинстве случаев имеют семь голов. Отметим, что эпитеты (осет. *авдсæры* — иран. *хафтсар*) в обоих языках имеют фонетически близкую форму, что связано с тем, что и числительное, и данный соматизм являются когнатами и унаследованы от общеиранского лексического фонда.

Следует заметить, что круг чисел в иранской и осетинской мифологии весьма обширен, и, кроме рассмотренных нами, включает такие как пять, сорок, сто и целый ряд других. Использование конкретных чисел в эпических произведениях иранского и осетинского народа не случайно, числовые модели

в архаичных культурах связаны с идеей благополучия и стратегией глобального детерминизма. Они становились образом мира, средством его стабилизации, преодоления деструктивных хаотических тенденций [17, 227].

Поскольку мифы народов формировались тысячелетиями, фольклорные тексты сохраняют возможность исследования исторических, культурных и мифологических параллелей. Анализ употребления и интерпретации чисел в иранской и осетинской мифологии, в частности, в Шахнаме и Нартовском эпосе выявляет их существенное сходство.

Выявленные параллели неразрывно связаны с мифологическим сознанием народов, с сакральной символикой их традиционной культуры и свидетельствуют об общих исторических корнях, культурных контактах и влияниях.

Примечания:

1. Древний иранский праздник огня в канун Ноуруза, который знаменует собой приход весны и возрождение природы. Традиционно отмечается ночью последней среды в году, со времени исламской революции отмечается вечером во вторник. Слово Чахар Шанбе значит «среда» и Сури — «красный». Костры горят от заката до раннего утра. Празднование обычно начинается вечером, когда люди разводят костры на улицах и прыгают через них.

1. فروغي، محمد علي؛ سير حکمتدرار وپا: ارز مانباستانانما نهمهدهم؛ تهران: زوار، چاپچهارم، جلد اول.

2. سرکار اتي، بهمن؛ سايههايشکار شده؛ گزیده مقالات تقارسي؛ تهران: قطره، چاپ اول.

3. الباده، ميرچا؛ چشمانداز هاياسطوره؛ ترجمه جلالستاري، تهران: توس، چاپ اول.

4. Сатцаев Э. Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме: сходные сюжеты и мотивы. Владикавказ, 2008.

5. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси., 1976.

6. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

7. Хатаев Э. Э. Этнопедагогика Северного Кавказа. Владикавказ, 2000.

آقاشريف؛ احمد، اسرار ورموز اعداد و حروف؛ تهران نشر شهيدمحيبي

9. Дарчиева М. В. Мифоэпический хронотоп в осетинских эпических текстах. Владикавказ, 2017.
10. Дзедаева М. С. Символика как одна из репрезентаций концепта «Число» в осетинской фольклорной картине мира // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. 2013. № 12. С. 115-117.
11. برر سيجايگاه عدد سهدر ادبفارسی، محمودیخیر الله؛ مجله علوم انسانی و اجتماعی دانشگاه شهیراز، دوره 12، شمار هاول بهار 1384
12. Цгоев Х. Ф. Словарь осетинской мифологии и быта. Владикавказ, 2005.
13. Дарчиева М. В. Числовая символика в Нартовском эпосе осетин // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2012. № 1. С. 145-156.
14. Сказания о нартах. М., 1978.
15. ستاری جلال، درد عشق زلیخا، طوس 1373
16. معین محمد؛ مقالات، به کوشش معین مهدخت؛ انتشارات معی
17. Торопов В. Н. Исследования по этиологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004.